

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

РЕЦЕПЦИЯ МОЛИТВЫ «ОТЧЕ НАШ...» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В. А. ЖУКОВСКОГО

иеромонах Кирилл (Умрилов)

студент магистратуры сектора заочного обучения
Московской духовной академии.
141300 Московская область, г. Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия.
monastery@bk.ru

Для цитирования: *Кирилл (Умрилов), иером.* Рецепция молитвы «Отче наш...» в творческом наследии В. А. Жуковского // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2023. № 1 (8). С. 45–54. DOI: 10.31802/WI.2022.8.1.004

Аннотация

УДК 82.091

В русской культуре XIX века молитва «Отче наш...» являлась важнейшим текстом не только религиозного, но и художественного дискурса. Одним из первых авторов, обратившихся к поэтическому диалогу с Молитвой Господней, был В. А. Жуковский. Стихотворное переложение молитвы Господней Жуковский осуществил в 1817 году, включив его в свой перевод «Утренней звезды» И. П. Гебеля. Попытки богословского толкования молитвы поэт предпринимал несколько раз: в начале своего творческого пути, на страницах писем-дневников 1814 года, затем — на закате творческой деятельности, в статьях 1840-х годов. Изучение рецепции канонического текста молитвы «Отче наш...» в творчестве Жуковского позволяет уточнить не только представления о жанрово-тематическом диапазоне его лирики, но и о его религиозной картине мира, в центре которой — отношения Бога с человеком, осмысленные как отношения отца с детьми.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, Священное Писание, молитва «Отче наш...», молитвенная лирика, рецепция, религиозный дискурс.

Reception of the Prayer “Our Father...” in the Creative Heritage of V. A. Zhukovsky

Hieromonk Kirill (Umrilov)

MA student of the correspondence education sector

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

monastery@bk.ru

For citation: Kirill (Umrilov), hieromonk. “Reception of the Prayer “Our Father...” in the Creative Heritage of V.A. Zhukovsky”. *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (8), 2023, pp. 45–54 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2023.8.1.004

Abstract. In the Russian culture of the XIX century, the prayer “Our Father...” was the most important text not only of religious, but also of the artistic discourse. One of the first authors who turned to poetic dialogue with the Lord’s Prayer was V. A. Zhukovsky. Zhukovsky made a poetic arrangement of the Lord’s prayer in 1817, including it in his translation of I. P. Goebel’s “Morning Star”. Attempts at theological interpretation of the prayer were made by the poet several times: at the beginning of his creative path, on the pages of letters-diaries of 1814, then – at the end of his creative activity, in articles of the 1840s. Studying the reception of the canonical text of the prayer “Our Father...” in Zhukovsky’s work makes it possible to clarify not only the ideas about the genre-thematic range of his lyrics, but also about his religious picture of the world, in the center of which there is the relationship between God and man, seen as the relationship of a father with children.

Keywords: V. A. Zhukovsky, N. V. Gogol, Holy Scripture, prayer “Our Father...”, prayer lyrics, reception, religious discourse.

Рецепция молитвы в творческом наследии В. А. Жуковского получила многоплановое выражение: в форме поэтического переложения и в форме религиозно-философского толкования. Поэтическое переложение молитвы Господней Жуковский осуществил в 1817 году, включив его в свой перевод стихотворения И. П. Гребеля «Утренняя звезда». Попытки богословского толкования молитвы поэт предпринимал несколько раз: в начале своего творческого пути, на страницах писем-дневников 1814 года, затем — на закате творческой деятельности, в статьях 1840-х годов.

Размышления Жуковского о Молитве Господней и о молитве вообще — важный маркер его религиозного мировоззрения. Сформированное в контексте отечественной философско-богословской культуры первой половины XIX века, оно отразило её ведущие тенденции. Годы обучения Жуковского в Московском университетском благородном пансионе (1797–1800) прошли под знаком его «активной душевно-духовной работы»¹ и совпали с периодом расцвета масонской идеологии в России. Директор Московского университета И. П. Тургенев и инспектор пансиона А. А. Прокопович-Антонский разделяли идеи английской и немецкой масонской идеологии и были причастны к московской масонской ложе². Для молодого Жуковского философские идеи русских масонов оказались созвучны. В его ранних произведениях отражается философская картина мира, которая в целом укладывается в рамки масонских концепций³. Особо Жуковского интересовали такие характерные для философии масонства вопросы, как жизнь и смерть, отношение человека к природе, отношение человека к Богу, добродетели и духовное совершенствование⁴. «Нравственная категория добродетели, возведённая в жизненный принцип “друга человечества”, и меланхолия как особый тип переживания жизни и преодоления её противоречий становятся лейтмотивами произведений Жуковского. Причём форма, в которую он облакает свои философские рефлексии, оказывается близка традиционным для масонской литературы формам беседы и литературного диалога»⁵, — заключает в своей статье А. Г. Садовников.

1 Садовников А. Г. О некоторых аспектах идеологии масонства и меланхолической натурфилософии в творчестве В. А. Жуковского 1797–1800 гг. (статья 1) / А. Г. Садовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 2–4. С. 1051–1055.

2 Там же. С. 1051.

3 Там же. С. 1052.

4 Там же. С. 1051–1055.

5 Там же. С. 1055.

Важно отметить, что «восприятие Жуковским масонских идей осуществлялось исключительно в этическом аспекте, эзотерическая сторона учения его не интересовала»⁶.

В постпансионский период идея нравственного совершенствования, вынесенная Жуковским из *alma mater*, подпитывалась сочинениями западноевропейских философов и религиозных мистиков, определяя его жизнестроительную программу, в т. ч. представления о молитве. В записных книжках 1807 года содержатся размышления Жуковского о молитве, сделанные им при чтении статьи «Prière» из 13 тома «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, в которой говорится, что молитва есть «форма, в которой просят у Бога новых милостей»⁷. Жуковский не согласен с этим утверждением, по его словам, молитва «не есть просьба, но чистое наслаждение, которое производит в душе тихое, ясное спокойствие, даёт ей новую силу и новое мужество. Голос молящего не преклоняет Творца на милосердие, ибо Творец, верховная неограниченная благодать и мудрость, не требует побуждения; но человек, способный к молитве и прибегающий к молитве, сам меняется в отношении к Творцу, то есть делается лучшим, следовательно, и отношение Творца к себе изменяет»⁸.

В письмах-дневниках, датированных 1814 годом, Жуковский изложил своё понимание Молитвы Господней. Следует заметить, что дневники 1814 года отражают один из сложнейших моментов в жизни Жуковского, связанный с историей мучительного расставания с Машей Протасовой. Поэтому в центре его дневников этого периода — «история души, находящейся в состоянии разлада, бесконечной внутренней борьбы»⁹ и в то же время ищущей надёжной опоры в Боге и жаждущей видеть в Нем любящего отца. К размышлениям о молитве «Отче наш» Жуковского сподвигло следующее обстоятельство. Во время венчания

6 Бурмистрова С. В. Русская литература XIX века. Курс лекций. Ч.1. В.А Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь. Сергиев Посад, 2021. С. 95.

7 «La forme par laquelle on demande à Dieu de nouvelles grâces» (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 13. Paris, 1765. P. 361). Цит. по: Долгушин Д., свящ. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени. Дис. докт. филол. наук. Томск — Новосибирск, 2019. С. 88.

8 Жуковский В. А. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13. / сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 45.

9 Янушкевич А. С. Дневники В.А. Жуковского как литературный памятник // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 405.

Саши Протасовой с Александром Воейковым, которое состоялось в июле 1814 года, Жуковский задумался о будущем своей племянницы: ему показалось сомнительным её счастье в семейной жизни. Ответом на свои сомнения он воспринял услышанную им в Церкви молитву «Отче наш». По признанию Жуковского, он по-новому воспринял слова этой молитвы и в то же время почувствовал в своей душе твёрдое убеждение в благодати Бога, ощутил всецелую «доверенность к Промыслу»: «никогда так не поразило меня слово *Отче Наш* и вся эта молитва. Я читал её или, лучше сказать, объяснял для себя совсем иначе, нежели как это случалось прежде. Во мне возбудилась доверенность к промыслу и будущее не было уже так страшным»¹⁰. Обращает на себя внимание, что в толкование молитвы Жуковский вкладывает много личного, ищет в ней оправдание своей надежды на промыслительное устройство ко благу как собственной жизни, так и жизни близких ему людей. При этом личное содержание не затемняет, но лишь подчёркивает интенсивность и глубину религиозных переживаний Жуковского. В своей «экзегезе» поэт очень подробно останавливается на начальных словах молитвы Господней, поясняя, что Бог — это добрый любящий Отец, «наш товарищ, наш защитник, судия нашего сердца неизменный, неподкупный»¹¹. С таким Товарищем любые жизненные цели достижимы: «Что дорога жизни с таким спутником! Куда ни оглянись, он везде на земле, везде видим в могуществе и благодати и всюду слышен сердцу — только склоняй слух к его утешительному голосу! Только научись понимать Его! Только верь и люби»¹². Человек же, чтобы снискать милость Божию, чтобы возвысить свою земную жизнь до мира небесного («мир земной да сольётся для нас с миром небесным»)¹³, должен быть достоин своего Небесного Отца и довериться Его промыслу. Под «искушением» в молитвенном тексте Жуковский понимает отчаяние, к которому приводит ропот, который «все унижает, и жизнь и свет делает противным»¹⁴. И от этого «опасного врага» просит он избавления у Всевышнего.

В 1817 году Жуковский вновь возвращается к диалогу, на этот раз поэтическому, с молитвой «Отче наш...», включив её переложение

10 Жуковский В. А. Письма-дневники Жуковского 1814–1815 гг. 1–5 / ред. П. К. Симони. СПб., 1907. С. 73.

11 Там же. С. 73.

12 Там же. С. 73.

13 Жуковский В. А. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13. / сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 45.

14 Там же. С. 45.

в контекст выполненного им перевода стихотворения И. П. Гебеля «Утренняя звезда».

В этом произведении описывается раннее утро. Обыденный сюжет раннего утра предстаёт в стихотворении прекрасной картиной, моментом единения человека, природы и Бога. В оригинальном тексте Гебеля используется молитвенное обращение ко Христу. Жуковский это место переводит как парафраз Молитвы Господней, которую не воспроизводит дословно, а лишь напоминает всем известный текст:

«Небесный царь, услыши нас;
Твое владычество приди;
Нас в искушение не введи;
На путь спасения наставь
И от лукавого избавь»¹⁵.

«Молитвенное событие вводится как знаковое явление утренней жизни мироздания: “Да чу! И к заутрене звонят”. Эмоциональная остановка на характерном для Жуковского междометии “Чу!”, звон колоколов, призывающих на утреннюю церковную службу, — создают лирическое напряжение, придающее значимость молитвенному тексту»¹⁶. Используя в своём переводе именно молитву «Отче наш...», Жуковский включает лирическое молитвословие в богослужебный круг в качестве утренней молитвы. «Особенность авторской мотивировки сакрального слова связана с идеей причастности к нему всего мироздания: соборная молитва сливается с пением птиц, утренним звоном колоколов, астральным диалогом. Молитва “всем миром” и “всего мира” становится органичным явлением гармонии божественного миропорядка»¹⁷.

Новый этап в истории рецепции молитвы «Отче наш...» в творчестве Жуковского относится к 1840-м годам. В это время Жуковский углубляется в изучение религиозной, в т. ч. святоотеческой литературы (св. Григория Богослова, Блаженного Августина и др.). По подсчётам исследователей, в библиотеке Жуковского обнаружено около 240 книг¹⁸ на религиозную тематику, 58 из которых имеют его пометы. Ведущее

15 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2000. С. 66.

16 Афанасьева Э. М. «Отче наш...» в русской лирике XIX века // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки» («Филология»). 2004. № 3 (40). С. 52.

17 Там же. С. 52.

18 Долгушин Д., свящ. В. А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени. Дис. докт. филол. наук. Томск — Новосибирск, 2019. С. 267.

место в круге чтения Жуковского 1840-х годов по-прежнему занимает Священное Писание, глубокое изучение которого позволило ему в 1845 году выполнить перевод Нового Завета на русский язык. Этому труду предшествовало «многолетнее, можно сказать пожизненное, изучение Священного Писания»¹⁹. Перевод Жуковского сделан преимущественно с церковно-славянского текста Елисаветинской Библии и характеризуется выраженной славянизированностью, но в то же время он содержит много заимствований из известных автору западных переводов Нового Завета²⁰.

Религиозные поиски зрелого Жуковского, направленные на постижение православного вероучения, совпали по времени с «нравственно-философскими и эстетическими исканиями многих передовых деятелей русской культуры (П. Я. Чаадаева, И. В. Киреевского, Н. В. Гоголя), имевшими основополагающее значение для дальнейшего развития русской философии, антропологии, гносеологии и искусства слова»²¹. Важную роль в приобщении Жуковского к православному вероучению сыграли историк и теоретик православия А. С. Стурдза²², протоиерей Иоанн Базаров, который по просьбе поэта снабжал его богословской литературой (например, «Пространным катехизисом» митрополита Филарета (Дроздова), «Историей Русской Церкви» А. Н. Муравьева и др.). Н. В. Гоголь, с которым у Жуковского 1840-е годы сложились крепкие дружеские отношения, также был постоянным собеседником поэта в размышлениях на религиозные темы. Именно в контексте диалога с Гоголем следует рассматривать прозу Жуковского 1840-х годов, в которой содержатся его рассуждения о молитве Господней. К её толкованию Жуковский обращается в статьях «О молитве», «О внутренней христианской жизни», «Промысл».

В основе статьи «О молитве» лежит письмо Жуковского к Гоголю, написанное в январе 1848 года по поводу его «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Жуковский пишет свои замечания после прочтения гоголевской книги и одновременно возвращается к осмыслению молитвы «Отче наш...». Прежде всего он указывает другу на неточность выражения и даже фальшивость мысли, когда в предисловии

19 Канунова Ф. З. Исследование и перевод Нового Завета в нравственно-эстетических исканиях В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 148.

20 Долгушин Д. В. О языке и стиле библейских переводов В. А. Жуковского // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Том 10, № 9. С. 160.

21 Канунова Ф. З. Исследование и перевод Нового Завета в нравственно-эстетических исканиях В. А. Жуковского. С. 116.

22 Там же. С. 117.

к своей книге Гоголь просит молитв и у тех, кто по смирению не верит в силу своей молитвы, и даже у тех, кто не верит в необходимость самой молитвы. Жуковский убеждён, что это означает просить невозможного, ведь «молитва не может существовать без молящегося; она тогда только получает жизнь, когда слова, её выражающие, выражают в то же время и душу их произносящего, тогда совершается таинство смирения перед Богом в душе человеческой, таинство для нас неисповедимое, таинство, силою которого Всемогуший, всякое добро творящий по одной своей мудрости и благодати, так сказать, покоряется бедному слову человека»²³. Поэт «развивает свою философию слова, только в молитве способного вместить создание и Создателя, при этом приобщаясь к святоотеческой традиции толкования текста Священного писания»²⁴. Зрелый Жуковский видит основным смыслом молитвенного делания вообще и Молитвы Господней в частности — самоотвержение: «без самоотвержения нет молитвы; без молитвы нет самоотвержения»²⁵. Молитва, по мысли поэта, — это «предстание души пред лицо Бога»²⁶. Возможна она только тогда, когда перед душой нет ничего, кроме самого Бога, «когда мы вполне самих себя и всего нас окружающего отвергли»²⁷. Молитва Господня, данная самим Христом, уже в силу этого «есть голос и выражение чистейшего самоотвержения»²⁸, ведь только Спаситель мог научить человека, как можно безраздельно до конца предаться воле Создателя. Лейтмотивом статьи «О молитве», а также размышлений Жуковского о молитве «Отче наш...» является проблема самоотвержения и покорения своей воли воле Бога. По мнению Э. М. Афанасьевой, «процесс освоения природы молитвенного слова фиксирует молитвенно-исповедальную и проповедническую позицию в эстетико-духовной эволюции Жуковского»²⁹.

Статья «О внутренней христианской жизни», датированная 11 июля 1846 г. — 25 июня 1850 г., написана под впечатлением от книги французского мистика Ж. Бернье-Лувињи «О тайной жизни с Христом в Боге». В ней Жуковский размышляет «о внутренней христианской жизни как о сложном, таинственном и непостижимом с помощью

23 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред. А. С. Янушкевич. М., 2016. С. 374.

24 Афанасьева Э. М. «Отче наш...» в русской лирике XIX века. С. 52.

25 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (первый полутом). С. 378.

26 Там же. С. 378.

27 Там же.

28 Там же.

29 Афанасьева Э. М. «Отче наш...» в русской лирике XIX века. С. 52.

разума процессе»³⁰. В числе прочего поэт даёт свою трактовку одной из строк Господней молитвы «да будет воля Твоя...». Жуковский пишет, что счастливы те, кто способен глубоко прочувствовать эту фразу, кто убеждён в том, что Бог близок, слышит и отвечает. Но и те, кто лишён этого чувства, находят «великую душевную опору», заключённую в смысле этих слов. Жуковский убеждён, что людям не дано понять цели их страданий, но каждый может постигнуть, что «они от Бога, который всемогущ, следственно, источник одного только блага»³¹. Поэт подчёркивает, что главное для христианина — принимать волю Бога без «толкования и ропота». А как это делать, нам показал своим спасительным примером Христос. Так же в своей статье Жуковский говорит о том, что сложнее всего произнести «да будет воля Твоя» человеку, постигающему науку — частицу от «всеобщего порядка» и этой частицей измеряющего целое. Такой человек, по мысли автора, более всего подвержен безверию.

В статье «Промысл» (11 июля 1844 г. — июнь 1850 г.) Жуковский раскрывает ещё один аспект темы самоотвержения и упования на волю Бога, рассуждая о промыслительности всего ниспосылаемого свыше. Поскольку, рассуждает писатель, все испытания, посланные Богом есть благо, то для человека является достоинством принимать их со смирением и благодарностью. Примером такого смирения для Жуковского является ребёнок, который с младенчества привыкает принимать родительскую волю³². Задаваясь вопросом, что означают слова Христа *будьте как дети* (Мф. 18: 3), *ибо таковых есть Царствие Божие* (Мк. 10: 14), Жуковский так на него отвечает: «Что есть жизнь младенца? Незнание закона, следственно невинность перед законом; безусловная покорность отцу и матери: *да будет воля Твоя*; любовь к родителям: *да святится имя Твое, да придет Царствие Твое*; беззаботность о завтрашнем дне: *хлеб наш насущный даждь нам днесь*; незлобие: *и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должников нашим*; незнание зла и бед житейских: *не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого*. Младенец есть, неведомо самому ему, тот человек, которой выражен в молитве Господней»³³.

Таким образом, молитва «Отче наш...» становится своеобразным лейтмотивом творчества Жуковского. Поэт не только продолжает традицию парафрастической лирики, сделав поэтическое переложение молитвы

30 Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (первый полутом). С. 811.

31 Жуковский В. А. Там же. С. 382.

32 Жуковский В. А. Там же. С. 382.

33 Там же. С. 440.

Господней в контексте перевода стихотворения Гебеля, но и предпринимает попытки её богословского толкования. Художественно-богословская «экзегеза» молитвы «Отче наш...» содержится в автодокументальных текстах раннего Жуковского (письма-дневники 1814 года), а также в статьях 1840-х годов. Художественная рецепция молитвенного текста в творчестве Жуковского высвечивает особенности его художественной и религиозной картины мира, в центре которой отношения Бога с человеком, осмысленные как отношения отца с детьми. К концу жизни религиозная тема становится важнейшей для творчества Жуковского. Значимое место среди сочинений позднего Жуковского занимает его последнее, предсмертное произведение — поэма «Агасфер», которая также содержит библейский дискурс, в т. ч. молитвенные обращения к небесному Отцу, что может послужить материалом для дальнейшей разработки проблемы рецепции молитвенного текста в русской литературе.

Библиография

- Афанасьева Э. М.* «Отче наш...» в русской лирике XIX века // Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки» («Филология»). 2004. № 3 (40). С. 50–55.
- Бурмистрова С. В.* Русская литература XIX века. Курс лекций. Ч. 1. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь. Сергиев Посад: Издательство МДА, 2021.
- Долгушин Д., свящ.* В. А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени. Дис. докт. филол. наук. Томск — Новосибирск, 2019.
- Канунова Ф. З.* Исследование и перевод Нового Завета в нравственно-эстетических исканиях В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики. 2008. №8. С. 147–167.
- Жуковский В. А.* Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2004.
- Жуковский В. А.* Письма-дневники Жуковского 1814–1815 гг. 1–5 / ред. П. К. Симони. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1907.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки рус. лит., 2000.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки рус. лит., 2016.
- Садовников А. Г.* О некоторых аспектах идеологии масонства и меланхолической натурфилософии в творчестве В. А. Жуковского 1797–1800 гг. (статья 1) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. №2 (4). С. 1051–1055.
- Янушкевич А. С.* Дневники В. А. Жуковского как литературный памятник // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2004.